

## ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ЧУЖОЙ ВОЙНЫ



*В этот день 23 года назад, 14 апреля 1988-го, были подписаны Женевские соглашения о политическом урегулировании положения в Афганистане. Среди них – соглашение о выводе из страны советских войск. Уже 15 мая первые воинские подразделения начали покидать Афганистан. Сыновья, братья, мужа возвращались домой. Живые.*

*Но кроме них были и женщины. В Афгане они лечили солдатские раны в медсанбатах, стирали белье, готовили обеды, служили при штабе, становились мамами и сестрами для оторванных от дома вчерашних мальчишек.*

Мария Киянко (на фото), симпатичная, улыбчивая женщина, тоже прошла через ад Афганистана. Почти четыре года служила при штабе, была награждена медалью «За трудовое отличие».

– Я никогда не буду рассуждать о том, нужна ли нам была эта война. Наверное, нужна, – считает она. – Можно только предположить, что бы могло случиться, не будь наших войск в Афганистане. Советский Союз хотели уничтожить со всех сторон, «укусить». А мы охраняли свою границу, ставили преграду бандитам и наркотикам. Я не обижаюсь, когда кто-то говорит: мы вас туда не посылали. Да такие, которые так говорят, там и не нужны были. Ведь на такой поступок надо решиться. А говорить куда проще...

Сейчас политики и историки высказываются об этой войне очень неоднозначно. Но я не политик, я обычная женщина. И знаю одно: тысячи людей прожили и прошли эту боль. У каждого есть потери, забыть которые нельзя.

Мне часто вспоминаются мои сны. Когда я была там, я видела во сне только свой родной дом, свою деревню. В Афганистане нас называли «российскими головорезами». Но эти «головорезы» вынесли достойно всё...

– *Мария, как вы попали служить в Афганистан?*

– Родилась я на Гродненщине в многодетной семье. Все, что я имею, я добилась сама. Уехала поступать, когда мне не было еще и 17-ти. Нас в семье было много, и помогать каждому было некому. Я работала в технической организации, вела отделение кадров и была секретарем-машинисткой. Мы часто ходили помогать в военкомат, и однажды военком предложил поехать за

границу. Было два варианта – Германия и Афганистан. Семейная жизнь у меня на то время не заладилась. А я по жизни человек рискованный. Вот и решилась. Я не сказала родным, куда еду. Папа так и не узнал, где я была. А мама – только потом... Туда я поехала гражданской. И, хотя позже и предлагали, не согласилась стать военнослужащей. А когда вернулась на Родину, меня взяли на военную службу. Свою пенсию я зарабатывала в воинской части.

– Почему не выбрали Германию?

– Наверное, мне очень хотелось узнать что-то неизведанное. И попробовать что-то новое.

– Было страшно ехать в Афган?

– Когда туда ехала – нет. Страшно было потом... Страшно, когда летишь из отпуска и знаешь, что тебя ждет. Я вообще очень редко плачу. Но когда меня провожала сестра до Минского аэропорта и я уже уходила на посадку, то вдруг разрыдалась. Понимала: могут сбить самолет и вообще может быть всякое.

– Вам приходилось стрелять?

– Я умею стрелять из всех видов оружия. Но в людей не стреляла. Там выезжали на стрельбища, потом уже на Родине и гранаты метала.

– Мужчины, наверное, к вам относились по-особому...

– Там мы действительно жили одной жизнью. Одно небо на всех! И дружба там была не такая – берегли каждое ее мгновение. Ведь бомбили нас, можно сказать, через день. Мы знали, что это такое, когда улетаешь и не возвращаешься.

В Афганистане меня взяли сначала в отдел материального обеспечения. К нам на службу прилетел секретарь комсомольской организации. Он побыл ровно 18 дней и погиб... Почему-то чаще погибали парни, которые были единственными в семье. А были и такие, что будто в рубашке родились. Одного водителя вспоминаю. Коренастый такой был паренёк. Всю машину его пробил очередь, а он жив остался. Только потом ходил и хохолок у него торчал некоторое время. Видимо, от стресса...

– Вы жалели хоть раз о том, что поехали туда?

– Нет. Наверное, мы там по-своему были счастливы. Было всякое: и весело, и грустно. И плакали, и радовались. В части, и праздники отмечали, и торты пекли. Одним словом, жили обычной жизнью. Я, например, в художественной самодеятельности участвовала... И потом, в таких ситуациях очень остро ощущаешь себя частью истории. Если бы я почувствовала, что и теперь там действительно нужна, – вернулась бы туда и сейчас.

Война в своей стране – страшно. Война в чужой стране – страшно вдвойне. Чужая земля, чужие люди, чужой язык. Помню, мы как-то приехали, а нам говорят: там душманов в плен взяли. Мы ходили на них смотреть. А они – такие же люди. Но смотришь – и жутко становится.

– А на свободе вы душмана видели?

– А кто же их разберет? Человек на улице может с тобой заигрывать, а ты же не знаешь, что у него на уме, что будет, когда ты повернешься к нему спиной. Как можно заглянуть в душу человеку? Да никак.

– Кто вас ждал в Беларуси?

– Папа не знал, где я. Ждала мама, сестры. Они очень волновались. На тот момент нас было четыре сестры. Старшая умерла через год после моего приезда. Связь с домом в основном

была через письма. И я писала их как из Болгарии. Штемпеля-то не было. Стояла только полевая почта. Несколько раз удавалось позвонить.

*– Вас изменил Афганистан?*

– В какой-то степени он меня закалил. Я поняла, что такое жизнь. Я всегда была не из трусливых. Но там – особая ситуация. Я слышала обстрелы, видела, как вертолет упал практически на территории части. Как горели самолеты, как бомбили. Однажды стала свидетелем, как сгорело целых 16 самолетов. И ночью обстреливали. Бывало, спать ложились не раздеваясь, чтобы успеть выскочить. Такая жизнь закаляет. Я, может, иногда из-за этого и жесткой бываю. Но, видимо, мне надо было через это все пройти. Чтобы стать такой, какая я сейчас, чтобы чего-то добиться в жизни. Чтобы проверить себя.

А служить мне было несложно, я себя всегда могла отстоять. И могла побороться за справедливость. С детства не терплю предательства, лени и лжи, сама стараюсь всегда говорить правду. И за время службы я осталась собой. Не стала ни пить, ни курить, не распустилась, не потеряла свое лицо... Мне не стыдно со своими знакомыми встретиться, поговорить. Не стыдно, что кто-то прочтет в газете мои слова. Я была женщиной – я ею и осталась. И этим горжусь.

*– Вам бы хотелось сейчас побывать в Афганистане?*

– Там, где была наша часть, уже, по-моему, ничего нет. Ее и разграбили первую. Когда мы уезжали, была на удивление холодная зима. Две зимы там можно было ходить в туфлях, а когда выводились, зимой 1988–1989 годов, было очень холодно. Не хватало дров. И все наши модули (так назывались дома, в которых мы жили) разобрали на дрова. Хотя посмотреть, конечно, хотелось бы. У нас была своя прачечная, своя хлебопекарня. Все это, уходя, мы оставили. Даже постели новые застелили.

*– А как сложилась жизнь после войны?*

– Дивизию нашу вывели в Витебск. В город мы вошли ночью. Очень хорошо помню эту ночь... А потом нас вызвал заместитель командира дивизии Иван Пархоменко. Я собиралась уволиться и уехать домой, а он говорит: «Нет, девчонки, проверенных мы не отпускаем». Так я здесь и осталась. Город уже стал моим. Тут и работа, и друзья.

А на новом месте службы я стала еще и с парашютом прыгать. Нас собралось семь женщин, желающих этим заняться. И только трех допустили до прыжков... Так и отслужила 20 лет...

*– О чем мечтается сейчас?*

– Я бы хотела еще многое попробовать в жизни, но нам уже не все доступно, как молодежи: куда-то не возьмут, а где-то и болячки не позволяют. У нас хорошая молодежь. Но иногда я удивляюсь пассивности некоторых людей. Мне кажется, я бы хотела и туда, и туда. Просто на все не хватает времени. Поэтому если бы я знала, что буду нужна где-то далеко от Родины, – поехала бы не задумываясь.

**В. Дашкевич**  
**Фото автора**